

«РУССКИЙ БОГ» НАД ЛИНИЕЙ ФРОНТА... ВОЙНА В КОНТЕКСТЕ ТЕОЛОГИИ

Василий Ванчугов

В «Сказании о Мамаевом побоище» предпосылки нашествия врагов на Русь представлены были следующим образом: «Попущением божьим, за грехи наши, по наваждению дьявола поднялся князь восточной страны, по имени Мамай, язычник верой, идолопоклонник и иконоборец, злой преследователь христиан, и начал подстрекать его дьявол, и вошло в сердце его искушение против мира христианского, и подучил его враг, как разорить христианскую веру и осквернить святые церкви». Теологическая составляющая битвы 1380 г. на Куликовом поле была подчеркнута и возгласом поверженного Мамаю: «Силен русский Бог!» Столетия спустя это выражение появится и среди «мыслей и афоризмов» А.В. Суворова: «Русский Бог силен. С Ним перелетим полетом богатырским, с Ним победим!» Во время русско-австрийской кампании при полководце помощником состоял Е.Б. Фукс, благодаря которому не-

которые военно-теологические постулаты оформились в «Анекдоты князя Италийского графа Суворова-Рымникского»: «В самом жару сражения под неприступными высотами Нови Суворов увидел сие расположение душ; немедленно отдал приказ к нанесению неприятелю последнего удара и, когда все войска двинулись, герой сказал: «Велик Бог Русский! — Я победил Моро!»

Упомянутое выше «Сказание о Мамаевом побоище» (кон. XIV — нач. XV вв.) в одной из четырех дошедших до нас редакций — «Киприановской», — выводя из той истории уроки, среди прочего отметило, что «крест есть главное оружие», что московский князь «выполнял благое дело», которым руководил Бог, а Мамай нес тьму и зло, за которыми скрывался дьявол. Память о Куликовской битве хранилась в былинах, повестях, песнях. Отразилась она и в творчестве драматурга В.А. Озерова, в 1806 г. представившего на

суд публики «Дмитрия Донского» с православно-патриотическим теологуменом в финале: «Чтоб с трепетом сказать иноплеменник мог: «Языки, ведайте: велик российский Бог!» И в 1812 г. величие «русского Бога» испытано было нашествием на Русь войск Наполеона...

В ознаменование поражения французов совершается благодарственный молебен — «Воспоминание избавления Церкви и державы Российской от нашествия галлов и с ними двадцати язык в 1812 году». Здесь, согласно чину, после благодарения «Правителю царств и народов Сыну Божию» следует «многолетие Государю Императору и всему Его дому», а потом и «вечная память в Бозе почившему Императору Александру Благословенному, избранному Промыслом Божиим для защиты веры и спасения отечества». «Пожар Москвы, — признавался Александр I, — просветил мою душу, суд Божий на ледяных полях России преисполнил мое сердце теплотой веры. Тогда я познал Бога <...> и во мне созрела твердая решимость посвятить себя и все свое царствование Его имени и славе». Однако в лексиконе Александра I «русского Бога» не было, зато он прозвучал из уст его преемника — Николая I. При завершении русско-Турецкой войны (1828—1829 гг.), говоря о заслуге главнокомандующего русской армией (тот был удостоен фельдмаршальского чина, орденов Св. Георгия 2-й и 1-й степени и почётной приставки к фамилии — «Забалканский»), император отметил: «Велик русский бог, и спасибо Забалканскому». Кстати, в той войне принял участие и А.С. Хомяков, в 1828 г. поступивший на службу в гусарский полк. Однажды он был в атаке и — как признавался в письме матери — «хотя два раза замахнулся, но не решился рубить бегущих, чему теперь очень рад». Не «замахнулся» Хомяков в ту пору и на теологию, и лишь годы спустя пополнил славянофильский словарь выражениями «русское воззрение», «русский дух», «русский ум».

Тема «русского Бога» получает развитие в суждениях по поводу вой-

ны 1812 г. в «Евгении Онегине» Пушкина, который в «секретной» десятой главе задается вопросом о главном победителе: «Гроза двенадцатого года//Настала — кто тут нам помог?//Остервенение народа,//Барклай, зима иль русский бог?» В письме П.А. Вяземскому (1824 г.) также мелькает «русский бог» («оппозиция русская, составившаяся, благодаря русского бога, из наших писателей»), но наполнение этого понятия содержанием сделано было не Пушкиным, а его адресатом «дорогою из Пензы», «измученным и сердитым». «Русский Бог» Вяземского — Бог метелей, ухаживающий, мучительных дорог, Бог голодных, холодных, нищих вдоль и поперек, Бог «грудей и ж.п. отвислых», лаптей, наливов, рассолов, «душ, представленных в залог», Бог «бродяжных иноземцев», и в особенности — немцев... В этом стихотворении 1828 г. было отторжение всего того, от чего не удалось избавиться тремя годами раньше из-за неудачного выступления на Сенатской площади. Однако через двадцать лет, в свете революционных волнений в Европе 1848 г. Вяземский создает стихотворение «Святая Русь», приведшее Жуковского в такой восторг, что в письме к автору он заметил: «Смешно сказать: английский, французский, немецкий бог, но при слове русский бог — душа благоговеет».

В то время как даже склонный к богословию А.С. Хомяков предпочитал говорить о русском «духе, уме, воззрении» как формах устроения, не вводя в оборот «русского Бога», Ф.М. Достоевский пошел дальше всех. В набросках к «Бесам» персонаж Шатов замечает по поводу русского мужика, что «человек для него есть только русский человек, Бог для него только русский Бог, обычай — только русский обычай», а в эпилоге «Братьев Карамазовых» Дмитрий комментирует план побега в Америку: «Россию люблю, Алексей, русского Бога люблю, хоть я сам и подлец!» В тех же «Бесах» Достоевский озвучивает мысль, что «никогда еще не было, чтоб у всех или у многих народов был один общий Бог, но всегда и у каждого был особый. Признак уничтожения народностей, когда Боги начинают становиться общими [...] Чем сильнее народ, тем особеннее его Бог». Вторая Ипостась, Сын Божий, Богочело-

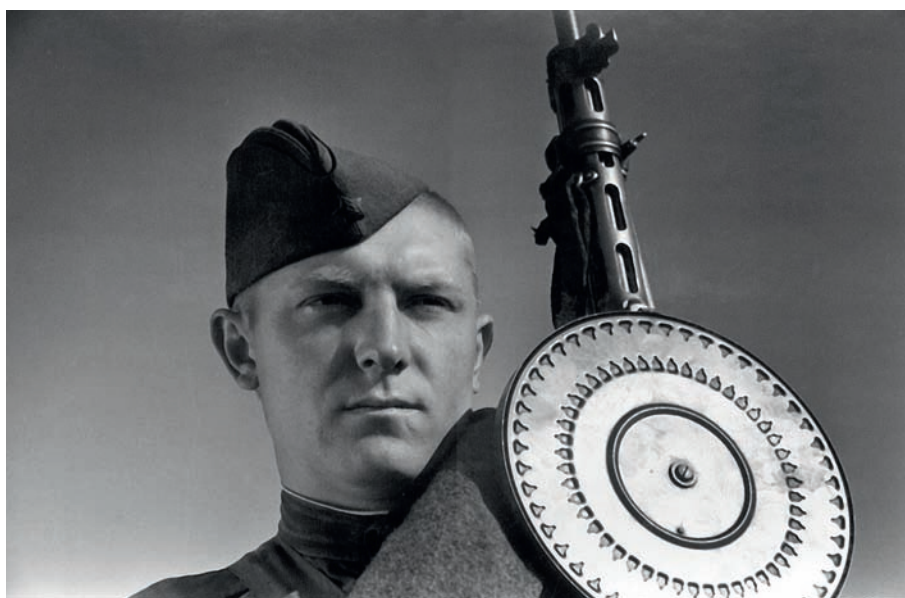
век, формируется в итоге в своего рода «русскую христологию». «Надо, — говорит Достоевский устами князя Мышкина в «Идиоте» (1868), — чтобы воссиял в отпор Западу наш Христос, которого мы сохранили и которого они и не знали!» А в другом месте писатель выводит еще одну формулу: «Русский Христос, воплощенный в русском народе-богоносце, является мировым Спасом. Это и есть русская идея».

Не менее бурно русская «христология» формировалась в эпоху Серебряного века и годы Первой мировой войны. С.Н. Булгаков, представивший в 1917 г. Христа, так сказать, монографически, назвав одним из его имен свой трактат — «Свет Невечерний», — повторил высказанную еще в 1910 г. мысль (в статье «Размышления о национальности»): «Славянофильское выражение «русский Христос» можно понимать <...> в смысле констатирования того факта, что разные народности, как реально различные между собою, каждая по-своему воспринимает Христа и изменяется от этого приятия. В этом смысле можно говорить (вполне без тени и без всякого кощунства) не только о русском Христе, но и о греческом, об итальянском, о германском, так же как и о национальных святых. <...> Нам, русским, ближе и доступнее именно наш русский Христос, Христос преп. Серафима и преп. Сергия, нежели Христос Бернарда Клервосского или

Воин-освободитель — монумент в берлинском Трептов-парке. Скульптор Е. В. Вучетич, архитектор Я.Б. Белопольский. Открыт 8 мая 1949 г.

Христос Екатерины Сиенской или даже Франциска Ассизского». Однако в ответ на убеждение Булгакова, что можно говорить «не только о русском Христе, но и о греческом, об итальянском, о германском», кн. Е.Н. Трубецкой в статье «Старый и новый национальный мессианизм» (1912 г.) связал: «Христос русский, итальянский и немецкий — ведь это все равно что фиолетовое, зеленое или

Боец-пулеметчик. 1943 г.

Минин и Пожарский. Михаил Иванович Скотти, 1850 г.

голубое солнце». Выражение «русский Христос» можно встретить и в статье «Православие» (1909 г.) П.А. Флоренского, но здесь не модернизм в теологии, а лишь подчеркивание основной евангельской истины: «...русский народ, в своей религиозности, живет со Христом страдающим, а не воскресшим и преображенным... Бог умалился для нас, сделался человеком и жил среди людей... Это — русский Христос, такой близкий к скудному русскому пейзажу, неприглядным, серым деревням, пьяной, больной, разоренной России. Это Христос — друг грешников, убогих, немощных, нищих духом».

После объявления в 1914 г. Германией войны, на совместном собрании Государственного Совета и Думы Николай II выступил с речью, где снова прозвучало воззвание к «русскому Богу». «Уверен, — заметил император, — что вы все, каждый на своем месте, поможете мне перенести ниспосланное мне испытание, и что все, начиная с меня, исполнят свой долг до конца. Велик бог земли русской!» Высказывание Николая II нашло отраже-

ние и в романе-эпопее «Преображение России» С.Н. Сергеева-Ценского (1875–1958), заметившего, что если «кузен и друг» нашего императора — Вильгельм II — «очень часто в своих речах обращался к «старому германскому богу»», то русскому императору ничего не оставалось, «как вспомнить в такой важный момент «русского бога»!» Отголоски противостояния национальных богов можно было обнаружить даже в штабе юго-западного фронта, когда главнокомандующий армиями Брусилов во время встречи 1917 года произнес речь, где высказал убеждение, что в новом году враг будет «окончательно разбит» и что необходимо будет убить в немцах «злую силу милитаризма». «А сила эта, — добавил генерал-адъютант Брусилов, — действительно злая. Все народы признают, что есть лишь один общий Бог, сотворивший вселенную. Немцы же говорят, что их бог особый, их «старый немецкий бог». Так как такого бога нет, то я полагаю, что это едва ли не сам сатана. Мы и боремся ныне с этим сатанинским богом, воплощающим ныне дух

австро-германского народа. Уповаю, что Бог Единый и Праведный поможет нам его победить. Я поднимаю бокал за Верховного Вождя земли Русской Государя Императора, за Русь святую, за нашу Победу!»

Как видно из этой речи, генерал не стал укреплять дух солдат и офицеров, вводя в небесную рать «русского Бога». Священник Сергей Соловьев, обративший внимание на речь Брусилова в своей статье «Национальные боги и Бог истинный», отметил в том же году, что «не одни немцы отрицают всечеловеческого Бога и вместо него воздвигают национального идола», этим грешат и «многие властители дум в России, для которых война есть «борьба национальных богов». Так что если для генерала истинный враг был на земле, то для мыслителей он имел еще и своего покровителя на небе, которого можно победить религиозно-философскими дискуссиями... Прошли годы, и при советской власти стало невозможно открыто говорить не только о «русском», но и всяком другом Боге. Однако эта «четвертая» ипостась, «русский Бог», вновь ак-

Спас Нерукотворный. Великий Новгород, 2-я половина XII в.

туализировалась в 1941 г. Так в день праздника Покрова Пресвятой Богородицы (14/1 октября), когда фашистские войска находились на подступах к Москве, митрополит Сергей выступает со вторым Посланием по случаю войны, где вновь прозвучал и главный богословский догмат битвы на Куликовом поле. «Не в первый раз, — заметил митрополит Сергей, обращаясь к «православной и бого-

любивой пастве московской», — русский народ переживает нашествие иноплеменных, не в первый раз ему принимать огненное крещение для спасения родной земли. Силен враг, но «велик Бог земли Русской», как воскликнул Мамай на Куликовом поле, разгромленный русским воинством. Господь даст, придется повторить этот возглас и теперешнему нашему врагу».

Хотя за семь столетий нашей истории «русский Бог» так и не стал формулой ни для богословов, ни для религиозно настроенных философов, он все же оказался метафорой, без которой невозможно можно понять прошлое, выявить все те факторы, которые помогали россиянам не просто выживать, но и побеждать.

á